

СТАРАЯ
ДОБРАЯ...
Америка

ДЖЕЙМС УИЛЛАРА
ШУЛЬЦ

МОЯ ЖИЗНЬ
СРЕДИ
ИНДЕЙЦЕВ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш95

James Willard Schultz
MY LIFE AS AN INDIAN

Перевод с английского Валентина Житомирского
Серийное оформление Екатерины Скворцовой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Шульц Дж. У.
Ш95 Моя жизнь среди индейцев : роман / Джеймс Уиллард Шульц ; пер. с англ. В. Житомирского. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 512 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-26128-0

Каждый хоть раз в жизни мечтал уехать в далекие края и начать жизнь с чистого листа; в отличие от многих, Джеймс Уиллард Шульц свои мечты осуществил. Еще юношей он бросил «цивилизованный мир» и отправился на Дикий Запад в поисках романтики и приключений. Шульц быстро стал своим среди индейцев пикуни, одного из племен народа черноногих. Он с удовольствием перенял их образ жизни, быт и привычки: открыл для себя азарт охоты и военных вылазок, женился на прелестной девушке, которая стала ему верной подругой. Величественные просторы прерий с пасущимися на них стадами бизонов, простая, но исполненная мужества, свободы и настоящей мужской дружбы жизнь разворачивается перед нами в увлекательных историях, рассказанных автором и его многочисленными героями.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-26128-0

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Главные действующие лица

Автор книги — двадцати лет от роду уезжает на Запад, на территорию Монтаны, в поисках приключений и из любви к первобытному образу жизни. Он находит и то и другое среди пикуни — черноногих. Он женится на девушке из этого племени и живет с индейцами много лет, ходит с ними на охоту и на войну, участвует в их религиозных обрядах и в целом ведет индейский образ жизни.

Нэтаки — индианка из племени черноногих, ставшая женой автора книги; веселая женщина с мягким характером, вокруг которой строится все повествование.

Ягода — торговец, имеющий дела с индейцами, сам полуиндеец. Родился в верховьях Миссури. Говорит на полудюжине племенных языков, хорошо знает индейские лагеря. Искусно пользуется всеми приемами, применяемыми в торговле с индейцами.

Гнедой Конь — белый траппер¹ и торговец, женат на индианке.

Женщина Кроу — женщина из племени арикара, некогда взятая в плен индейцами кроу, а затем отбитая у них племенем блад.

---

¹ Охотники на пушного зверя в Северной Америке, пользующиеся преимущественно ловушками, а не ружьем. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Эштон — молодой белый из Восточных штатов; он хранит какую-то грустную тайну, но в конце концов обретает покой.

Диана — индианка-сирота, воспитанная Эштоном. Благородная женщина, которую постигает трагическая гибель.

Миссис Берри — женщина из племени манданов, жена одного белого, торговавшего в давние времена с индейцами, мать Ягоды и подруга Женщины Кроу; хорошо знает старинные сказания своего племени.

Поднимающийся Волк — один из старых служащих Компании Гудзонова залива, типичный траппер раннего романтического периода пушной торговли, торговец и переводчик.

Мощная Грудь — черноногий, начальник военных отрядов, вождь походов, обладатель магической трубки.

Скунс — черноногий, шурин Гнедого Коня; автор книги помогает Скунсу похитить невесту.

Говорящий с Бизоном, Хорьковый Хвост — черноногие, близкие друзья и товарищи по охоте и военным приключениям автора книги.

Глава I

Форт Бентон

Широко раскинувшиеся побуревшие прерии; далекие крутые холмы с плоским верхом; за ними — огромные горы с синими склонами и острыми вершинами, покрытыми снеговыми шапками; запах полыни и дыма костров лагеря; гром десятков тысяч копыт бизонов, бегущих по твердой сухой земле; протяжный тоскливый вой волков в ночной тишине, — как я любил все это!

Я, увядший, пожелтевший лист, сухой и сморщенный, готовый упасть и присоединиться к миллионам предшественников. Вот я сижу, ни на что не годный, зимой у камина, в теплые дни на веранде; я могу только переживать в памяти волнующие годы, проведенные на границе². Мысли мои бесконечно возвращаются к прошлому, к тому времени, когда железные дороги и доставленные ими толпы переселенцев еще не стерли с лица земли всех нас — и индейцев, и жителей фронта, и бизонов.

Любовь к вольной жизни в лесу и поле, к приключениям у меня в крови от рождения; должно быть, я унаследовал ее от какого-то далекого предка, потому что все мои близкие — верующие люди трезвых взглядов. Как

---

² Имеется в виду граница США и Канады.

я ненавидел удовольствия и условности так называемого цивилизованного общества! С ранней юности я чувствовал себя счастливым только в большом лесу, лежавшем к северу от нашего дома, там, где не слышно ни звона церковных колоколов, ни школьного звонка, ни паровозных свистков; я попадал в этот огромный старый лес лишь ненадолго, во время летних и зимних каникул. Но настал день, когда я мог отправиться куда и когда захочу, и однажды теплым апрельским утром я отплыл из Сент-Луиса на пароходе вверх по реке Миссури, направляясь на Дальний Запад.

Дальний Запад! Страна моей мечты и моих надежд! Я прочел и не раз перечел «Дневник» Льюиса и Кларка, «Восемь лет» Кэтлина, «Орегонскую тропу» об экспедициях Фримонта³. Наконец-то я увижу места и племена, о которых рассказывали эти книги. Наш крепкий плоскодонный, мелкосидящий пароход с кормовым колесом каждый вечер,

---

³ Мериуэзер Льюис (1774–1809) — солдат пограничной милиции, сосед, друг, а после и секретарь президента Джефферсона. Вместе с Уильямом Кларком (1770–1838) Льюис организовал на государственные средства экспедицию (1803–1806), прошедшую вверх по Миссури, через Скалистые горы и вниз по реке Колумбия к Тихому океану. Написал историю этой экспедиции, богатой приключениями, столкновениями с индейцами и т.п. Джордж Кэтлин (1796–1872) — художник и этнограф, проживший много лет среди индейцев Дальнего Запада и Флориды, написал свыше 600 портретов индейцев и несколько книг. Джон Чарльз Фримонт (1813–1890) — военный топограф, крупный исследователь Дальнего Запада. В 1842 г. прошел по Орегонской тропе и пересек Скалистые горы. Принимал участие в завоевании Калифорнии. Автор многих книг («Экспедиция в Скалистые горы», «Записки о Верхней Калифорнии» и др.).

когда темнело, пришвартовывался к берегу и снова отправлялся в путь утром, с рассветом. Благодаря этому я видел все берега Миссури, фут за футом, на протяжении 2600 миль, от впадения ее в Миссисипи и до места нашего назначения, форта Бентон, откуда начинается навигация по реке.

Я видел красивые рощи и зеленые склоны холмов в нижнем течении, мрачные пустоши выше по течению и живописные скалы и обрывы из песчаника, изрезанные ветрами и ливнями, придавшими камню всевозможные фантастические формы, типичные для берегов судоходного верхнего течения реки. Я увидел также лагерь индейских племен на берегах и такое количество диких животных, какого не мог себе и представить. Часто наш пароход задерживали большие стада бизонов, переплывающие реку. Бесчисленные вапити⁴ и олени бродили в рощах на склонах речной долины. На открытых низинах вдоль берегов паслись небольшие стада антилоп, и чуть ли не на каждом холме и скале в верхнем течении Миссури попадались горные бараны. Мы видели много медведей гризли, волков и койотов, а вечерами, когда стихал шум на пароходе, у самого борта играли и плясались бобры.

Но больше всего меня поражало огромное количество бизонов. По всей Дакоте и Монтане до самого форта Бентон на холмах, в долинах у рек, на воде можно было изо дня в день видеть их стада. Сотни утонувших распухших бизонов валялись на отмелях, выброшенные течением, или плыли

---

⁴ Крупный американский олень (*Cervus canadensis*).

мимо нас по реке. Я думаю, что коварная Миссури со своими пльвунами, зимой покрывая льдом неравномерной толщины, причиняла стадам не меньший урон, чем живущие по берегам индейские племена. Наш пароход часто проплывал мимо несчастных животных, сгрудившихся иногда по десятку и больше под крутым обрывом, на который они тщетно пытались взобраться; бизоны стояли, медленно, но верно погружаясь в вязкую черную грязь или пльвуны, пока наконец мутное течение не покрывало целиком их бездыханные тела. Естественно думать, что животные, переплывающие реку, оказавшись под высоким обрывистым берегом, должны повернуть обратно и плыть вниз по течению, пока не найдут хорошего места, чтобы выйти на берег. Но как раз этого бизоны во многих случаях не делали. Решив плыть к какой-либо точке, они направлялись к ней по прямой. Судя по тем бизонам, которых мы видели мертвыми или издыхающими под береговыми обрывами, животные как будто предпочитали скорее умереть, чем направиться к цели обходным путем.

Когда мы достигли страны бизонов, стало попадаться много мест, которые я оставлял с сожалением. Мне хотелось сойти с парохода и исследовать эти просторы. Но капитан говорил мне: «Не торопитесь, езжайте до конца, до форта Бентон; это то, что вам нужно, там вы познакомитесь с торговцами и трапперами всего Северо-Запада, с людьми, на которых можно положиться, с которыми можно путешествовать относительно безопасно. Боже мой, да если бы я вас здесь высадил, по всей вероятности, не прошло бы и двух дней, как с вас сняли бы скальп. В этих оврагах и рощах

скрываются рыщущие повсюду военные отряды индейцев. Ну конечно, вы их не видите, но они тут».

Мне, глупому, наивному неженке, никак не верилось, что я могу пострадать от рук индейцев, когда я так хорошо к ним отношусь, хочу жить с ними, усвоить их обычаи, стать им другом.

Наш пароход в форт Бентон этой весной пришел первым. Задолго до того, как мы увидели форт, жители заметили дым судна и приготовились к встрече. Когда мы обогнули речную излучину и приблизились к набережной, загремели пушки и взвились флаги. Все население форта приветствовало нас на берегу. Впереди толпы стояли два торговца, не так давно купившие здесь дело Американской пушной компании вместе с фортом и всем имуществом. Они носили синие костюмы из тонкого сукна; длиннополые сюртуки со стоячими воротниками были усеяны блестящими медными пуговицами; на белых рубашках с воротничками чернели галстуки; длинные, гладко причесанные волосы спускались на плечи. Рядом с торговцами стояли их служащие — клерки, портной, плотник — в костюмах из черной фланели, тоже с медными пуговицами. Служащие также носили длинные волосы, а на ногах у них были мокасины с подметками из сыромятной кожи, пестро расшитые замысловатыми яркими рисунками из бисера. Позади этих важных лиц теснилась живописная толпа. Здесь стояли группы служащих-французов, в большинстве креолов⁵ из Сент-Луиса и с нижней Миссисипи,

---

⁵ Здесь: потомки французских колонистов на юге США.

проведших всю жизнь на службе Американской пушной компании и протащивших бечевой немалое число судов на огромные расстояния вверх по извилам Миссури. Одежду этих людей составляли черные фланелевые верхние куртки с капюшонами и фланелевые или замшевые штаны, перехваченные яркими поясами. Толпились здесь еще погонщики мулов, независимые торговцы и трапперы, одетые большей частью в костюмы из замши, гладкой или вышитой бисером и отороченной бахромой; почти у всех за поясом торчали ножи и шестизарядные револьверы Кольта; головные уборы, особенно у торговцев и трапперов, были самодельные, главным образом из шкуры американской лисицы, грубо сшитой в круглую шапку мордой вперед, со свисающим сзади хвостом. Позади белых стояли индейцы, взрослые мужчины и юноши из близлежащего лагеря, и женщины — жены постоянных и временных белых жителей.

По тому, что я успел увидеть среди различных племен на пути вверх по реке, я уже знал, что обычный житель прерий — индеец — не похож на роскошно разодетое, украшенное орлиными перьями существо, каким он мне представлялся по картинкам и описаниям. Конечно, у всех у них есть такой нарядный костюм, но носят его только в торжественных случаях. Индейцы, толпившиеся на берегу, были одеты в легинсы из полотна или из кожи бизона, в гладкие или шитые бисером мокасины, ситцевые рубашки и плащи из одеяла или шкуры бизона. Большинство стояло с непокрытой головой; волосы их были аккуратно заплетены, лица раскрашены красновато-коричневой охрой или красно-оранжевой краской.

У некоторых за плечами висели луки и колчаны со стрелами, у других — кремневые ружья, и лишь у немногих — более современные винтовки с капсюльным замком. Женщины были в ситцевых платьях, на нескольких женах торговцев, клерков и квалифицированных рабочих я заметил даже шелковые наряды, золотые цепочки и часы; у всех без исключения были наброшены на плечи яркие цветные шали с бахромой.

Весь тогдашний город можно было охватить одним взглядом. По углам большого прямоугольного форта из сырцового кирпича высились бастионы с пушками. Немного поодаль за ним стояли несколько домиков, бревенчатых или из кирпичасырца. Позади домов в широкой плоской речной долине рассыпались лагеря торговцев и трапперов, ряды фургонов с брезентовым верхом, а еще дальше в нижнем конце долины виднелось несколько сот палаток пикуни. Вся эта пестрая публика скапливалась здесь уже в течение многих дней, нетерпеливо ожидая прибытия пароходов. Запас продовольствия и товаров, доставленный пароходами в прошлом году, далеко не удовлетворил спрос. Табаку нельзя было достать ни за какие деньги. Только у Кено Билла, содержателя салуна и игорного дома, водились еще крепкие напитки, и то это был спирт, разбавленный водой: четыре части воды на одну спирта. Кено Билл продавал этот напиток по доллару за стопку. В городе не было ни муки, ни сахара, ни бекона, но это не имело значения, так как имелось сколько угодно мяса бизонов и антилоп. Но все — как индейцы, так и белые — жаждали ароматного дыма и пенящихся бокалов. Все это наконец прибыло: весь груз парохода состоял из табака и спиртного, а кроме того,

некоторого количества бакалеи. Неудивительно, что гремели пушки и развевались флаги, а население приветствовало появление парохода криками «ура».

Я сошел на берег и поселился в отеле «Оверленд», бревенчатом доме порядочных размеров с рядом пристроек. На обед нам подали вареные бизоньи ребрышки, бекон с фасолью, лепешки из пресного теста, кофе с сахаром, патаку и разварные сушеные яблоки. Постоянные жильцы почти не прикасались к мясу, но поглощали хлеб, сироп и яблоки в поразительных количествах.

Для меня — новичка, только что прибывшего с востока, «из Штатов», как говорили здесь пограничные жители, первый день был чрезвычайно интересен. После обеда я вернулся на пароход за багажом. На берегу, рассеянно поглядывая на реку, стоял седобородый длинноволосый траппер. Его замшевые штаны так вытянулись на коленях, что казалось, будто он стоит согнув ноги, в позе человека, собирающегося прыгнуть в воду. К нему приблизился один из моих спутников — легкомысленный, болтливый и заносчивый парень, направлявшийся в район золотых приисков; парень уставился на вздувшиеся мешком колени траппера и сказал:

— Что ж, дядя, если собрался прыгать, почему не прыгаешь — чего тут долго раздумывать?

Человек в замшевых штанах сначала не понял вопроса, но, проследив, куда направлен взгляд собеседника, быстро сообразил, о чем речь.

— Прыгай сам, новичок, — ответил он и, внезапно обхватив ноги юноши ниже колен, швырнул его в неглубокую

воду. Стоявшие около разразились хохотом и насмешками, когда сброшенный в воду, окунувшись, вынырнул и, отдуваясь и отплеываясь, вылез мокрый на берег. Не оглядываясь, бедолага помчался на пароход, чтобы укрыться в своей каюте. Больше мы этого парня не видели до его отъезда на следующее утро.

Я привез с собой рекомендательные письма к фирме, купившей дело у Американской пушной компании. Меня приняли любезно, и один из владельцев отправился со мной, чтобы познакомиться с разными служащими, постоянно живущими в городе, и с несколькими приезжими торговцами и трапперами.

Я познакомился с человеком всего на несколько лет старше меня; это был, как мне сказали, самый преуспевающий и самый смелый из всех торговцев в прериях Монтаны. Он превосходно говорил на нескольких индейских языках и был своим человеком в лагерях всех кочующих вокруг племен. Мы как-то сразу понравились друг другу, и остаток дня я провел в его обществе. Со временем мы стали настоящими друзьями. Он жив и сейчас, но так как мне придется в этой повести рассказывать о кое-каких наших совместных делах, в которых мы сейчас оба искренне раскаиваемся, то я не назову его настоящей фамилии. Индейцы звали его Ягодой, так он и будет именоваться в этой хронике прежней жизни в прериях.

Он не был красив — высокий, худой, с длинными руками и немного сутулый, — но обладал великолепными, ясными, смелыми темно-карими глазами, которые могли светиться

добродушной лаской, как у ребенка, или буквально сверкать огнем, когда Ягода бывал разгневан.

Не прошло и полчаса с момента прибытия парохода, как цена виски упала до нормальной в «две монетки» за стопку, а табака — до двух долларов за фунт. Белые, за немногим исключением, поспешили в бары пить, курить и играть в карты и кости. Некоторые бросились поскорее грузить в фургоны разные бочонки, чтобы отправиться в индейский лагерь в нижнем конце речной долины, другие, закончив погрузку, выехали на реку Титон, погоняя вовсю своих лошадей. У индейцев скопились сотни первосортных шкур бизона, и краснокожие жаждали виски. Они его получили. С наступлением ночи единственная улица города наполнилась индейцами, скачущими туда-сюда с песнями и криками на своих пегих лошадаках. Бары в этот вечер бойко торговали с черного хода. Индеец просовывал в дверь хорошую шкуру бизона с головой и хвостом и получал за нее две или даже три бутылки спиртного. Мне казалось, что краснокожие могли бы с таким же успехом смело входить через двери с улицы и вести торг у прилавка. Но мне сказали, что где-то на территории находится шериф, представитель властей США, и он может появиться совершенно неожиданно⁶.

В ярко освещенных салунах у столов толпились жители города и приезжие: шла игра в покер и в более распространенный фараон. Я должен сказать, что в те бесконтрольные

---

⁶ Продажа алкоголя индейцам была официально запрещена, хотя закон не соблюдался.

и незаконные времена игра велась совершенно честно. Много раз я бывал свидетелем того, как счастливые игроки срывали банк в фараоне, оставляя банкюмета без единого доллара. Теперь не услышишь о таком событии в клубе, привилегированном игорном притоне наших дней. Люди, имевшие в то время игорное дело в пограничной области, довольствовались своим заранее определенным процентом.

Сегодня профессиональные игроки в любом поселке или большом городе, где запрещены азартные игры, начисто обирают партнеров, пользуясь краплеными картами, ящиками с двойным дном для фараона и другими подобными жульничествами.

Я никогда не играл; не то чтобы я считал это недостойным для себя занятием, но и не видел никакого интереса в азартных играх. Как бы честно ни велась партия, но вокруг нее всегда возникают более или менее частые ссоры. У наполовину или на две трети пьяных людей возникают странные фантазии, и они совершают проступки, от которых в трезвом виде сами бы отшатнулись. А если присмотреться, то видишь, что, как правило, любитель азартных игр много пьет. Карты и виски как-то связаны между собой. Профессиональный игрок тоже, бывает, пьет, но не во время работы. Вот почему он одет в тонкое сукно, носит бриллианты и массивные золотые часовые цепочки. Он сохраняет хладнокровие и загребает монеты пьяного отчаянного игрока. В тот первый вечер я смотрел в баре Кено Билла на игру в фараон. Один из участников, высокий, грубый, бородатый погонщик быков, накачавшийся виски, все время

проигрывал и норовил ввязаться в ссору. Он поставил синюю фишку, два с половиной доллара, на девятку и «посолил» ее, то есть наложил на нее маленький кружок в знак того, что ставка должна быть бита; но выпавшая карта выиграла, и банкOMET, смахнув кружок, забрал фишку.

— Эй ты! — крикнул погонщик. — Ты что делаешь? Отдай мне фишку и еще такую же в придачу. Ты разве не видишь, что девятка выиграла?

— Конечно, выиграла, — ответил банкOMET, — но ваша ставка была послена.

— Врешь! — крикнул погонщик, хватаясь за револьвер и привстав со стула.

Я увидел, как банкOMET поднял свой револьвер; в то же мгновение Ягода крикнул: «Ложись, ложись!» — и потащил меня за собой вниз, на пол. Все, кто были в зале и не смогли сразу выскочить в двери, тоже бросились ничком на пол. Раздалось несколько выстрелов, следовавших один за другим с такой быстротой, что сосчитать их было невозможно. Затем ненадолго наступила напряженная тишина, прерванная задыхающимся, клокочущим стоном. Лежавшие поднялись на ноги и бросились в угол; салун заволокло дымом. Погонщик быков с тремя пулевыми отверстиями в груди сидел мертвый, откинувшись на спинку стула, с которого только что пытался встать. БанкOMET, бледный, но на вид спокойный, стоял по другую сторону стола, пытаясь носовым платком остановить кровь, льющуюся из глубокой борозды, прорезанной пулей на его правой щеке.

— Еще бы чуть левее, Том, — и все! — заметил кто-то.

— Да, он бы меня припечатал, — мрачно ответил банкомет.

— Кто он? Из чьего обоза? — спрашивали кругом.

— Не знаю, как его фамилия, — сообщил Кено Билл, — но, по-моему, он приехал с обозом Джефа с Миссури. Давайте, ребята, уложим его в задней комнате, а я дам знать его друзьям, чтобы забрали хоронить.

Так и сделали. Вынесли испачканный кровью стул и посыпали золой темневшие на полу пятна. После того как участники уборки выпили по стопке за счет хозяина салуна, игра возобновилась. Мы с Ягодой вышли из салуна. Мне было не по себе; дрожали ноги и подташнивало. Ни разу я еще не был свидетелем убийства. Больше того, я даже толком не видел кулачной драки. Я не мог забыть ужасного предсмертного хрипа, перекошенного лица и неподвижных раскрытых глаз мертвеца.

— Ужасно, правда? — заметил я.

— Ну не знаю, — ответил Ягода, — получил по заслугам. С этими типами всегда так бывает. Он первый начал вытаскивать револьвер, но немного опоздал.

— Что же теперь будет? — спросил я. — Банкомета арестуют? Нас вызовут свидетелями по делу?

— Кто его арестует? — задал в свою очередь вопрос мой приятель. — Здесь нет ни полиции, ни каких-либо представителей судебной власти.

— Но при таком количестве отчаянной публики, какое, очевидно, здесь водится, как вы тут ухитряетесь соблюдать какой-то законный порядок?

— Семью одиннадцать — семьдесят семь, — наставительно ответил Ягода.

— Семью одиннадцать — семьдесят семь, — повторил я машинально. — Что это такое?

— Это Комитет общественного порядка. Точно не известно, кто в него входит, но можете быть уверенным: эти люди, представляющие общество, сторонники закона и порядка. Преступники боятся их больше, чем судов и тюрем Восточных штатов, так как Комитет всегда вешает убийц и разбойников. Кроме того, не думайте, что люди, которых вы видели за игорными столами у Кено Билл, отчаянная публика, как вы их назвали. Правда, они здорово играют и здорово пьют, но в общем это честные, смелые парни с добрым сердцем, готовые до конца поддержать друга в справедливой борьбе и отдать нуждающемуся свой последний доллар. Но я вижу, что эта небольшая переделка со стрельбой расстроила вас. Идемте, я покажу вам кое-что повеселее.

Мы зашагали дальше по улице и подошли к довольно большому дому из сырцового кирпича. Через открытые двери и окна лились звуки скрипки и гармоники. Мелодия была из самых веселых, какие мне доводилось встречать. Много раз в последующие годы я слышал эту мелодию и другие танцевальные мотивы, исполняемые вместе с ней; эту музыку привезли из-за моря на кораблях Людовика XV, и отцы из поколения в поколение обучали ей сыновей на слух. Французы-путешественники исполняли эту музыку по всему беспредельному течению Миссисипи и Миссури,

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖЕЙМС УИЛЛАРД ШУЛЬЦ
МОЯ ЖИЗНЬ СРЕДИ ИНДЕЙЦЕВ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 16.07.2024.
Формат издания 76 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 26,88. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-GLD-35108-01-R